

Это третий роман задуманной автором тетралогии из цикла «Наследники».

Мне уже приходилось писать о первых двух книгах – романах «Молодые» и «Невеста». В первую очередь они привлекали новизной поднятой темы, до того, как мне кажется, совсем не разработанной в современной русской литературе. Я соглашусь, что тому есть объективные причины: у молодых писателей постсоветского периода не было того социального опыта, а, в первую очередь, опыта духовных поисков, которые пережили молодые люди позднего советского периода, когда набившие оскомину партийные лозунги уже не воспринимались как достоверные, а путь возвращения к истинным духовным ценностям, сохранённым для них многими поколениями предков, ещё только намечался.

Роман «Причастие» продолжает судьбу героев, заявленных в предыдущих книгах тетралогии.

На этот раз перед читателем не только семейная драма, но и «возвращение блудного сына», о чем говорит эпиграф к роману: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня». Эти слова более двух тысяч лет назад были обращены к ревностному гонителю первых христиан Савлу по пути в Дамаск, куда тот направлялся для той же цели. Этими словами Сын Божий остановил безумие Савла, который после крещения избавился не только от телесной, но и духовной слепоты, и стал называться апостолом Павлом.

Время действия в «Причастии» 1982-1985 гг.

Хочу заметить, что Владимир Чугунов из тех писателей, для которых в большей степени важна не фабула повествования, а то, что происходит с духовным миром героев. Это вовсе не значит, что автор небрежен в разработке внешней канвы повествования. Напротив, сюжеты романов и повестей разрабатываются и продумываются Чугуновым до мельчайших деталей. Это даёт читателю ощущение полной реальности, в которую он погружается и которой безоговорочно верит. Однако за внешними событиями, какими бы драматичными, стремительными и запутанными они ни были, ощущается острота происходящих в душе героев сомнений, переживаний, переоценок, влияющих на то, что происходит во внешней жизни чаще всего молодых людей.

С первого же абзаца автор погружает читателя в самый критический момент семейных отношений, когда Павел Тарасов «на письменном столе, рядом с портативной пишущей машинкой «Унис», удачно приобретённой в последнюю сессию в Москве, обнаружил записку – на машинописном листе рукою жены крупными буквами с подчёркнутой старательностью было выведено красным карандашом: «Я тебя ненавижу!!!»

И сразу навалилось...»

Далее подробно, с художественной достоверностью разворачивается картина семейных отношений, начиная с того момента, чем заканчивается предыдущий роман «Невеста».

Шаг за шагом автор погружает читателя не только в похождения «блудного сына», но и в ту ненависть к Христовой Церкви, которая, по мнению Павла, никакого отношения к Высшей правде не имеет. Всё сошло к одному: и падение за падением, и мучительные переживания и сомнения, связанные с прикосновением к двум «невестам»: Пашеньке Иларьевой и схимонахине Олимпиаде.

Первые позывы к разладу отношений начались ещё до свадьбы, и причиною тому была не Настя, а «ревность не по разуму» Тарасова. Сначала Настя «нечаянно» улыбнулась идущему им с Павлом навстречу парню, после чего вышла неприятнейшая для них обоих история, а потом ещё и ещё... В этот момент как раз и случается вторая встреча с Полиной (обе в романе «Невеста») на школьном вечере выпускников. И, хотя между ними ничего не происходит, судя по тому, что Павел переживает, видно – сердечная заноза опять начинает кровотоцит. И происходит это в то время, когда семейная жизнь Павла с каждым днём становится всё хуже и хуже.

В романе «Причастие» описывается встреча на свадьбе, где гуляла вся родня Полины, поскольку женился её младший брат Гоша. Тогда Павел в пьяном виде сказал матери Полины:

«Сломали вы, Клавдия Семёновна, всю мою жизнь.

Она искося на него через могучее плечо глянула.

– А не сам?

– И сам. Не спорю. Но и вы постарались. Это надо! Столько времени прошло, а я всё успокоиться не могу. Пока не вижу её, вроде ничего, а как увижу, всего наизнанку выворачивает. Да и она, кстати, меня до сих пор любит.

– Ещё чего! У неё муж!

– А хотите на спор? Мужа своего она бросит и будет со мной жить.

Хотите?

– Вот болтун, а! Ну и болту-ун!

– Не верите?

– Иди давай, иди, занимайся своим делом! Иди-иди и не зли меня лучше!»

Тогда-то Павел незаметно и передал Полине записку. И начались их тайные встречи в гостинице. Но длилось это недолго. У обоих были дети. И, хотя Павел готов был бросить семью, Полина всё-таки в очередной раз решила испытать его чувства. Она перестала с ним встречаться. В это время на Павла начинают сваливаться одно искушение за другим: на сессии «с дагестанской княжной», второй раз – на танцах, потом в «Доме ученых» с бывшей школьницей, и наконец, происходит то, что становится началом семейной драмы и последующим окончательным разрывом с Полиной.

Настя бежит с дочерью к своим родителям в Гороховец после новогоднего вечера, во время которого происходит первое падение Павла, если не считать связи с Полиной. А далее всё, как снежный ком, одно за другим затягивает Тарасова в гибельную воронку, из которой он поначалу и не пытается выбраться. Но случайная плотская связь после танцев с «девицей» обрушивается на него тяжелейшими переживаниями, напомнившими о том, что произошло несколько лет назад с барабанщиком их ансамбля. Об этом Павел написал рассказ, который отметил руководитель литературного объединения. Павел нашел в архиве рукопись, принес ее в пожарный пункт, в котором был на очередном дежурстве, сел в кабину машины читать.

Чтение рассказа заставило обо всём серьезно задуматься. У Павла мелькнула мысль, «может, и вправду после дежурства махнуть с мировой?». Но вспомнив, как лупила Настя ему назло дочь, как ударил он жену, как всю дорогу до дома и потом, хотя и не спала, она молчала. Представил, как собирала чемодан, писала записку, и прежняя злоба опять поднялась в нём. Нет, ехать пока рано.

Со следующей недели на него, как нарочно, посыпались беда за бедой».

Отклонение очерка о старателях в столичном журнале «Юность» и в областной газете «Ленинская смена», последняя встреча с Полиной...

Полина прислала-таки «восточку». Они увиделись. Разговор закончился тем, что в их до неприличия затянувшейся истории любви была поставлена «жирная точка». И это для Павла оказалось самым тяжёлым.

Однако вместо того, чтобы ехать мириться с женой, Тарасов бежит от навалившихся проблем к старателям в Белогорск. Но всё только усугубляется с этой поездкой.

«А затем потекли дни один томительнее другого. Во всём огромном артельном бараке, кроме Павла, не было ни души. И все дни напролёт он читал» книги, которые брал из библиотеки по институтской программе, а затем взялся за дореволюционное здание «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, своего литературного кумира, который захватил с собою в дорогу.

Три рассказа (« Мальчик у Христа на ёлке», «Сон смешного человека» и «Кроткая») вызвали в душе Павла впервые переживаемое им чувство вины перед Богом. И Павел принимает судьбоносное решение:

«Так вон же из этой ямы!.. Всё, хватит, без оглядки, к свету! Несмотря на суматошный отъезд, план был намечен. Не к жене он едет, нет, нельзя туда было ехать с тем, что угнетало его, а – к Другу». Под «Другом» подразумевается не только дьякон Пётр Симонов, но и Тот, Кто сказал перед тем, как идти на крест: «Отныне вы Мои друзья».

Так перед читателем появляется уже не «Савл», а «Павел»!

Однако этому «новому Павлу» предстоит не менее длительный и мучительный путь возвращения в лоно Матери-Церкви, о чём с художественной достоверностью изображено в романе. На этом пути, как и на пути апостола Павла, героя романа преследуют искушения: тяжелое заболевание, которое Павел принимает как наказание за свои грехи и впервые относится к болезни с христианским спокойствием и верой; чтение Нового завета, которым снабдил его дьякон Пётр. А до чтения Нового завета – первая исповедь, а перед ней – чтение Номоканона, потрясшего душу сознанием неискупимой вины, которое поначалу отводит Павла от причастия. Ещё одним испытанием становится чтение Апокалипсиса, затем статьи Анны Ахматовой о «Каменном госте» А.С. Пушкина. Павел понимает – меч возмездия над ним, как над Дон Жуаном и князем за утопившую дочь мельника из «Русалки», занесен.

Всё следует одно за другим в определенной, как будто кем-то специально организованной последовательности. К этой «специально организованной последовательности» стоит отнести и то обстоятельство, что Павел попадает к особенному врачу, женщине, которая говорит ему: болезнь надо лечить ещё и на духовном уровне.

Благодаря особенному лечению буквально через месяц Павел идёт на поправку. Надо бы ехать мириться с женой, но тут подходит время сессии, во время которой на Павла сваливается очередное испытание. Накануне причастия во время встречи с ночным сторожем бывшего «Морозовского особняка» (Иннокентием Варламовым), Павел до того наслушался «о нашем стареньком добреньком православии», что даже подумал: может быть, вообще не ехать завтра в Троице-Сергиеву Лавру на службу? Но ехать всё-таки пришлось, поскольку именно Павел был инициатором этой поездки, во время которой двое его сокурсников тоже собирались впервые причаститься, а третий ещё и принять крещение.

Первое в жизни причастие поставило окончательную точку в отношении Павла к Церкви. Вот как об этом описывается в романе.

«Но стоило выйти за ворота Лавры и повернуть направо, а затем, миная площадку для кормления голубей, спуститься по ступеням и двинуться по неширокой дорожке вдоль высоченной побелённой монастырской стены, с другой стороны ограниченной крутым склоном, заросшим корявыми клёнами и кустами, – с ним что-то определённо началось.

Сначала просто показалось, что в голову ударил хмель от чистого весеннего воздуха, удивительно ясного неба, ослепительно солнечного дня, хотя было довольно прохладно. Однако вскоре заметил, что опьянение это было совершенно иного свойства. Схожесть с обыкновенным опьянением была лишь в том, что обычно испытываешь в первые минуты, когда хмель слегка вскружит голову и даже развеселит, но потом, позже, непременно наступит усталость, затуманится мозг, захочется прилечь.

Тут же был вроде бы тот же хмель, но при этом сохранялась совершенноная ясность мышления. Он даже не заметил, когда прошла усталость. Только что, казалось, ныла спина, казались налитыми свинцовой тяжестью ноги, давило на плечи, а теперь было так легко, что в пору лететь.

После исповеди он чувствовал всего лишь облегчение, как будто с него сняли тяжёлую ношу, отчего хоть и была радость освобождения, однако не было той солнечности, которую переживал теперь. Изменение душевного состояния помимо его воли, разума, каким-то непостижимым образом произошедшее в нём, было до того удивительным, воздушным, естественным, только отчасти подобным утреннему пробуждению в то ясное солнечное утро далёкой послеармейской весны, когда он впервые проснулся не в казарме, а дома, с чувством необыкновенного блаженства от чистоты простыней, ослепительно блестящего на солнце крашеного пола, обилия света, воздуха, щебета птиц за окном, от представившейся, наконец, возможности того, о чём мечтал, чего терпеливо ждал два длинных года, к чему стремился, и вот это счастливое время настало, он дома, он свободен, у него планов и надежд громадье и целая вечность впереди.

А ещё «это» напоминало чувство свежести, от той морозной ночи, когда его, укутанного в тёплое ватное одеяло, торопливо несли через сверкавшую снегами улицу из той самой бани, в которой бабушка Поля, ему, вечно хворенькому, отсасывала отвратительнейшие на вид зелёные сопля, после чего нос начинал дышать, и «галчонок», как шутили мывшиеся вокруг голые тётки, наконец, закрывал свой ненасытный маленький ротик.

Напоминало это и те весенние вечера, когда на берёзах появлялись клейкие листочки и начинали летать майские жуки, которых они ловили кепками, сачками, а садившееся за тёмную полоску далёкого леса солнце было таким таинственным и прекрасным, что просто невозможно отвести глаз.

Было в «этом» и то блаженство, которое испытывал он всякий раз по возвращении из ельника, куда вместе с ребятами ходил кататься на лыжах и возвращался, едва волоча ноги, и когда оказывался в тепле, на диване, всё тело приятно ныло от усталости, горели пожаром щёки, уши, а на душе было, как во время сидения у ночного костра – бездумно, тихо и волшебю.

И низкий полог удивительно звёздного неба, накинутый на вершины сопков, и обеденное затишье золотоносного полигона, и журчание таёжного ручья под окнами старательской избушки, и великолепие Пашкиной поляны, и хмель первого поцелуя, и радость долгожданной встречи с любимой, и ослепительное сияние утравшего в снегах Белогорска по возвращении из трудной поездки на 131-м ЗИЛе тоже чем-то напоминали «это».

И всякий, кто встречался на пути, казался Павлу просветлённым и радостным, как в дни всенародного торжества.

И, тем не менее, всё это вместе взятое не могло выразить и сотой доли того, что испытывал он теперь.

Нечто подобное происходило и с ребятами...

Сердце продолжало ликовать и во время всего полуторачасового пути до Москвы, и по приезде в общежитие, а когда укладывался в постель, было такое впечатление, словно только что вернулся с первого свидания.

В тот день он понял главное: от Церкви теперь уже никогда и ни за что не отойдёт, что, несмотря на всю её историческую, как считал Иннокентий, безнадёжность и даже порабощение, Святой Дух со всей очевидностью действовал в ней через таинства, и особенно через таинство причастия, участником которого в это удивительное «днесь» он сподобился быть».

После возвращения домой, можно было ехать мириться с Настей. В начале болезни Павел не делал этого только потому, что боялся заразить жену и дочь.

Но Настя не была бы Настей, если бы «в девятом часу утра» Павла не разбудил настойчивый стук в дверь, и не случилось их примирение.

«Шёл, наверное, уже второй час дня, а они всё валялись на разложенном диване, в сумраке тесной комнатухи, с плотно задёрнутыми ночными шторами на единственном окне...

– Не боишься, что забеременею?

– Нет. У нас теперь много будет детей.

– Да что ты! – И, помолчав, добавила с глубоким вздохом: – Даже не верится!»

С этого дня для Павла и Насти начинается совершенно другая жизнь. Четвертая часть романа открывается так:

«Если б знать тогда, к чему всё это приведет...

И, тем не менее, прекрасно понимая, что поздно, что ничего не вернуть, что следственная машина набрала обороты, как утопающий за соломинку, Павел судорожно цеплялся то за неработающую в действительности статью Конституции, то за положение какой-то международной конвенции, то за не менее призрачную надежду получить поддержку из-за рубежа, а то и вовсе съезжал с катушек, принимаясь моделировать события последних лет, начиная с того дня, когда стал писать эти несчастные письма, шокировать родных и близких откровенными разговорами, а в довершение ко всему написал и привёз на творческий семинар роман на непроходимую тему и даже попытался переправить его за границу. Предупреждал же его Трофим: «Тарасов, подумай о семье, о Насте! Если не прекратишь, на тебя наедет грузовик». Да ему что! Возражал: «Будут родственниками мученика... И потом, разве молчанием не предаётся Бог?»

Далее ретроспективно описывается жизнь верующей семьи, на которую обрушивается это испытание. Испытание их веры. И на этот раз речь идёт о том безжалостном катке идеологического аппарата, который зорко следил за тем, чтобы народ как можно дальше держался от Церкви.

Но Павел есть Павел.

Он не только не скрывает своей веры, а даже начинает писать обещанный сокурсникам в начале книги роман о верующей девушке, к которой, по собственному признанию, во всё время их общения даже не мог обратиться на «ты». Несмотря на то, что героиня романа реальное лицо, а именно Пашенька, роман от начала до конца написан в подражание Ф.М. Достоевскому. Павел представляет его на обсуждение в Литературном институте, на котором впервые присутствует новый ректор, присланный из ЦК ВЛКСМ для усиления идеологической дисциплины. Роман разносят в пух и прах в первую очередь за подражательность Достоевскому, а руководитель семинара грозит выпустить Павла без диплома. Но и этого мало! Рукопись через Романа Щёкина попадает в руки жены барабанщика, которая является гражданкой США, влюблённой в русскую литературу. На следующий день рукопись вместо того, чтобы отправиться «за бугор», оказывается в КГБ.

Щёкину приносят повестку, он обзванивает знакомых и сообщает об этом. Звонит и на коммутатор, где дежурит Настя. Следом за Щёкиным на коммутатор звонит Даня Чардымов, сокурсник Павла, говорит, что ему тоже принесли повестку, просит Настю передать Павлу, чтобы он срочно убрал из квартиры все запрещенные Верховным судом СССР книги.

А вскоре и Павлу приходит повестка из военкомата.

Накануне указанного в повестке дня Павел, спрятав в родительском сарае запрещенную литературу, готовится к причастию. И на этот раз благодатная сила этого Таинства помогает ему. Когда перед входом в военкомат Павел достал из кармана повестку, прежде чем открыть дверь, он ещё раз её прочитал.

«Казалось, он знал её наизусть, но только теперь бросилось в глаза, что было написано «вам предлагается явиться», вместо обычного «вам предписывается явиться» и «в случае неявки» перечислялись соответствующие статьи Уголовного кодекса. «Предлагается и предписывается, – подумал, – пожалуй, не одно и то же. И даже отсутствием статей Уголовного кодекса различие это подтверждено».

Павел замер в нерешительности. Ещё раз внимательно прочитал повестку. Предлагается – и совершенно отсутствие статей Закона. Стало быть, от предложения можно и отказаться? Ему предлагают, он отказывается. Вот если бы обязывали, тогда бы нельзя было отказаться, не нарушив статей Уголовного кодекса, которые для того и вписывали, чтобы заранее об ответственности за необоснованный (например, захочу и не пойду в армию служить) отказ предупредить. А тут как бы предлагался выбор, участие в котором или отказ, собственно, ни к чему не обязывал.

И тогда, ещё не веря в такую нечаянно представившуюся возможность, как единственно правильный в его казавшейся безвыходной ситуации выбор, Павел развернулся и сначала медленно и нерешительно, словно боясь, что наблюдавшие за ним откуда-то сверху сотрудники всемогущего ведомства его сейчас окликнут, а затем всё быстрее и решительнее пошёл прочь.

И хотя с каждым шагом прежняя смута в душе боролась с принятым решением, у него было точно такое же чувство, когда получил в газете «Автозаводец» свой первый гонорар. Так же, как и тогда, он не только никого и ничего не замечал вокруг, но и не знал, к чему всё это в итоге приведёт, а на душе было так же победоносно, как если бы вместо погибшего деда он принял участие в обороне Сталинграда и чудом остался жив».

И, наконец, обещанное в начале статьи. Параллельно церковному причастию в романе Владимира Чугунова изображается причастие Павла и его сокурсников к миру русской словесности, которая, разумеется, не с Великой Октябрьской революции началась и ею не закончилась.

Представлением содержания романа Владимира Чугунова в такой подробности я даю читателю возможность ощутить время перелома, к которому тогда подошла Россия. Новое поколение думающих и ищущих «русских мальчиков» вновь вышло на новый рубеж в истории государства. И по самому крупному счёту, теперь это совершенно ясно, оказались его спасителями.

Испытав все пороки атеистического общества, разочаровавшись в мертвящем пропагандистском дурмане партийного коммунистического официоза, они трудной дорогой, блуждая и теряясь, пришли к свету. Пришли к причастию.

Это то поколение молодёжи, которое сквозь лишения, жертвенно, вернуло Россию к истинному духовному началу – вечному ее пути. Мы ещё даже не в состоянии осмыслить величия совершенного ими. Совершенного подвига ради духовного возрождения Отечества.

Они оказались истинными НАСЛЕДНИКАМИ!

